

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ

ОТКРОВЕННО

нет
не знают
да

ГОДЫ ПАНИКИ

КАК ПРИНЯТЬ ВЕРНОЕ
РЕШЕНИЕ, КОГДА
ВСЕ ГОВОРЯТ
«ПОРА РОЖАТЬ»

Нелл Фриззелл

Нелл Фриззелл
Годы паники. Как принять
верное решение, когда все
говорят «пора рожать»
Серия «Книги, о которых говорят»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69824434

Годы паники. Как принять верное решение, когда все говорят «пора рожать»: Эксмо; М; ISBN 978-5-04-193756-0

Аннотация

Известная журналистка Нелл Фриззелл исследует, что происходит, когда женщина начинает спрашивать себя: а не пора ли ей завести ребенка? Есть общепринятые названия для многих периодов жизни: например, подростковый возраст, кризис среднего возраста, но есть период, с которым сталкиваются многие женщины в возрасте от 30 до 40 лет и который пока не имеет названия. Нелл Фриззелл называет его «годами паники». В это время желания создать семью и строить карьеру начинают конкурировать друг с другом. Нелл сама попала в эту ситуацию, и ей пришлось честно ответить себе, нужен ли ей ребенок, или это желание вызвано давлением близких. А сделав

выбор, убедить партнера, что пора стать родителями. Эта книга поможет читательницам тоже задать себе эти вопросы и принять осознанное решение.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вступление	7
1. Внезапно одиночка	23
2. Под открытым небом	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Нелл Фрицзелл

**Годы паники. Как принять
верное решение, когда все
говорят «пора рожать»**

Лиз – матери, родившей меня.

И Нику, сделавшему меня матерью.

Nell Frizzell

THE PANIC YEARS

Copyright © 2020 by Nell Frizzell.

First published in Great Britain in 2020 by Bantam Press an
imprint of Transworld Publishers

This edition published by arrangement with United Agents
LLP and The Van Lear Agency LLC.

© Мельник Э., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2023

Вступление

Утром того дня, когда мне исполнилось 28 лет, я проснулась одна на односпальной кровати в гостевой комнате маминого дома и вспомнила, что мой бойфренд, бывший им шесть лет, больше не мой бойфренд. Пока я пыталась отдышаться, придавленная к матрасу тяжестью на сердце, до меня дошло: впервые за долгое время я одна – чувство непривычное, неопределенное и беспредельное.

Утром того дня, когда мне исполнилось 30, я проснулась в постели с лучшей подругой. У нее на тот момент был шестой месяц беременности, помолвка и ипотечный кредит. Я же одинока, бездетна и ждала скорого увольнения по сокращению. При взгляде поверх ее головы в окно на ярчайшее декабрьское солнце, пронзительное, точно пожарная сирена, мне показалось, будто я стою на железнодорожной платформе, глядя, как поезд уносит подругу прочь.

Утром того дня, когда мне исполнилось 33, я проснулась в постели рядом с мужчиной, которого люблю, и двухнедельным ребенком, так тихонечко дышавшим подле меня, что примерно в 578-й раз за недолгую жизнь сына пришлось протянуть руку и коснуться его лица, чтобы удостовериться, живой ли. Мой живот был как влажная глина. Глаза опухли от бесконечных рыданий. Мне еще ни разу не удалось проспать больше трех часов подряд с тех пор, как закончи-

лись последние недели беременности. Я носила гигиенические прокладки размером с надувной матрац и пахла кислым молоком. Пока розоватый рассвет обцеловывал верхушки деревьев вдоль реки Ли, я натянула серый мужской спортивный костюм размера *XL* и носки бойфренда, выскользнула из жаркой квартирki с одной спальней, пересекла пешеходный мостик, ведущий на болота Уолтемстоу¹, повернулась лицом к солнцу и завывала.

* * *

Все фундаментальные перемены в моей жизни произошли за меньший срок, чем потребовался сестре для сдачи экзамена на водительские права. Я отказалась от тихой гавани стабильных отношений, осознала конечную природу своей фертильности, временами позволяла себе безрассудное распутство и в итоге обрела совершенно новую идентичность. В моем случае эти перемены привели к тому, что у меня появился ребенок. Однако многие поистине гигантские события – будь то разрыв длительных отношений, переезд в другую страну, смена профессии, замужество или нервный срыв – обычно случаются с нами в этот безымянный период между «двадцатю с чем-то» и сорокалетием, часто захватывая и «роковые сороковые», причем многие необратимы. Стать

---

¹ Природный заповедник на территории Внешнего Лондона.

(или не стать) родителем – единственное решение, у которого есть биологический дедлайн и которое невозможно отменить. Поэтому именно оно наводит резкость, берет в фокус остальные. Устроиться на новую работу, переехать в другой дом, завести новых друзей, найти новых партнеров – все это можно сделать не раз. Но стоит однажды стать родителем – и ты уже родитель до конца дней.

И все же у данного периода нет собственного названия – в отличие от детства, отрочества, менопаузы или кризиса среднего возраста.

Мы до сих пор не нашли общеупотребительного термина для сумбурного вихря из времени, гормонов, давления социальных норм и жажды материнства, который с разгона врзается в женщину под конец третьего и в начале четвертого десятилетия ее жизни.

Ни тебе медицинского термина, ни сложносочиненного немецкого слова, заимствования из латыни, арабского или французского. Астрология может ссылаться на цикл возвращения Сатурна, хотя эта туманная фраза мало что говорит о терпении и тяготах, о крови и рыданиях, о путешествии и трансформации, свидетелем которых я была как в самой себе, так и в окружении.

Когда ты в самой гуще процесса, ощущение, будто протискиваешься сквозь сеть невероятно трудных решений – работа, деньги, места, профессии, контрацепция и обязательства. Каждое тянет за собой, как за ниточку, остальные, и ни одно

невозможно распутать или обойти, не размотав весь клубок. В ретроспективе становится ясно: многое, если не все, делает столь обостренно актуальными пульсирующее, неизбежное, неотвратимое понимание, что твоя фертильность не беспредельна, запас яйцеклеток подходит к концу и однажды наступит день, когда тело откажет в возможности иметь детей.

* * *

Этими годами правит старый как мир вопрос: следует ли мне родить ребенка, а если да, то когда, как, зачем и с кем? Данная тема прокрадывается во все области жизни. «Тук-перестук» путей под ногами. Партия баса под всеми остальными голосами. На важно, хочешь ты быть матерью или нет, не важно, под тридцать тебе, за тридцать или даже за сорок, неторопливый марш неоплодотворенной возможности приносит в твою жизнь – жизнь женщины «под тридцать», «за тридцать» и даже «за сорок» – настолько острое ощущение уходящего времени, что никакой другой жизненный период и рядом не стоит. Приходится решать, чего ты хочешь, прямо сейчас, прежде чем тело отберет возможность выбора.

Факт, что в любом европейском языке найдется хотя бы пара-тройка терминов для обозначения отрочества, а для второго трансформационного периода в жизни женщины нет ни одного, говорит о двух вещах. Во-первых, нам не хватает слов. Во-вторых, мы никогда не воспринимали данное вре-

мя по-настоящему серьезно. Слишком часто путешествие из юности через фертильность к новой эмоциональной зрелости сводят к «инстинкту насадки», нервозности или «просто» тиканью биологических часов. На самом деле это сложная фокальная точка всевозможных типов давления, противоречий и страхов – от фертильности и финансов до любви, работы и самооценности, – с которыми сталкивается сегодня женщина.

Когда я в свои 28 разом потеряла мужчину, дом и направление в жизни, никто не рассказал, что это – начало нового. Никто не мог объяснить, что из такого множества утрат родится совершенно новая идентичность; большинство людей вокруг меня тоже находятся в движении, не важно, в отношениях или нет. Все мы мучились одним и тем же вопросом и ощущали, что необходимость принятия больших решений подрезает крылья; а уж решение относительно родительства и вовсе необратимо. Стоя перед гигантским табло вылетов в аэропорту собственного будущего, я и подумать не могла, что одновременно со мной это делают миллионы женщин, выбирающих путь через то же материнское «быть или не быть».

Именно потому что этот период не имеет отдельного названия, мы оказываемся не подготовлены к его наступлению должным образом и не разрабатываем необходимые инструменты для ориентации в нем. И если женщин подводят к мысли, что за все, происходящее в это время, почему-то от-

ветственны только мы, наш удел – терпеть, преодолевать и решать все вопросы в одиночку, возникает проблема. Добровольно «корректируя» женский организм контрацепцией и позволяя мужчинам вести жизнь вечных подростков – где они порхают с одной работы на другую, заводят кратковременные связи, увлекаются инфантильными хобби – мы переложили груз решения (пытаться или не пытаться завести ребенка) почти исключительно на плечи женщин. Мы защищаем мужчин от реальности фертильности, семьи и женского желания, поскольку нас приучили считать эти темы неинтересными или непривлекательными. Все свои «двадцатые» и «тридцатые» я отчаянно старалась казаться легкомысленной и беззаботной, ибо уверилась: любого намека на истинные, сложные желания (я, в частности, хотела любви, обязательств, независимости, успешной карьеры и в конечном счете ребенка) достаточно, чтобы остаться одиночкой навсегда. Я затыкала себе рот, думая, что это делает меня привлекательнее. Я убирала слабости, желания и наличие матки с глаз долой.

Конечно же, я обсуждала эти темы с подругами, но не всегда позволяла себе абсолютную честность. В результате и они не раскрывались передо мной по-настоящему. Делая хорошую мину при плохой игре и притворяясь, будто у нас все под контролем, мы все как одна упускали из виду факт, что плывем в одной лодке. Отсутствие общей терминологии и устоявшихся определений, нужных для обмена опытом, де-

лало нас разобщенными, неуверенными, полными тревоги и стыда. Так вот, больше это не повторится! Я здесь, чтобы похрустеть шейей, расстегнуть лифчик и дать этому периоду название.

Вариантов, официальных и неофициальных, приходило на ум множество. Вначале шуточные: «матереть или не матереть», рулетка «Яйцеклетка», проблема фертоэнергетики, овулопаника. Есть «деревенские»: веяние (как при отделении зерна от мякины); лакуна (промежуток или пространство между тканями и органами); Рубикон (река, которую, кажется, невозможно перейти); сумерки (волшебное время между светом дня и темнотой). Есть латинские: *reortempus* – время решения, *procogravidum* – отягощенность сомнениями, *quasitinciens* – быть беременной вопросами. Есть и немецкие: *Schwangerfast* – быть почти беременной, *Wechselperiode* – трансферное окно, *Trockenlegen* – перепеленывать и пересыхать. Все они годные, каждый – лучше, чем ничего. И ни один не вызывает ассоциации с душашей, ползучей, непонятной природой этого зверя. В итоге, как при классификации какого-нибудь вновь открытого цветка или злостной сорной травы, я называю его «поток» – физической и эмоциональной трансформацией, которая произрастает на почве «годов паники». В ландшафте «поток» означает течение воды; в наших телах это выброс крови; в физике это состояние постоянных перемен.

«Поток» – это конкретный процесс, провоцируемый био-

логией, обществом и политикой, который гонит столь многих из нас по «годам паники», как... ну, как одержимых!

«Поток» – это промежуток между отрочеством и серединой жизни, в котором женщины утрачивают искусственно выстроенный контроль над жизнью, сталкиваются лицом к лицу с проблемой фертильности и создают новую идентичность.

У вас в руках анатомия моих собственных «годов паники». Это не учебное пособие из серии «как найти настоящего мужчину», «как устроиться на идеальное рабочее место», «как научиться любить себя», «как забеременеть» или «как лучше воспитывать ребенка». Это книга о том, что происходит, когда решаешь начать взрослую жизнь и задумываешься, следует ли родить ребенка, хочешь ты этого сама или потому что тебе внушили, якобы женщина должна хотеть ребенка, и вообще, сможешь ли родить его, если попытаешься. Она о попытках наладить карьеру, прежде чем смыться в отпуск по беременности и родам. О жажде стабильности в то время, когда компания подруг и друзей раскалывается на «родителей» и «не-родителей». О поисках не только любовника или любовницы, но и потенциального родителя теоретического ребенка. О фертильности, гендерном неравенстве и социальной стигме. Она о том, почему ты занимаешься «панической математикой»: если познакомишься с человеком и будешь с ним встречаться год, и если потребуется два, чтобы забеременеть, но надо получить вот эту работу,

и если месячные начались в тринадцать, а яйцеклетки у мамы кончились в сорок... И так до тех пор, пока разом не бросишь считать и не задашься голым, откровенным и бесконечным вопросом: кто я такая и чего хочу от жизни?

Она о втором подростковом периоде, который крутится не вокруг месячных и растущих грудей, а отрачивает самосознание, зрелость и серьезность. Так что, имея в виду более широкую мысль, что данный период вообще заслуживает признания, лично я ставлю себе целью рассказать о собственном, поскольку он уже начался и до сих пор не закончился. Я рассказываю, как превратилась из патологически боявшейся обязательств одиночки в состоявшуюся мать в обуви на плоской подошве, пройдя через сердечную травму, отжимания, запах обувного крема, поездку в монастырь (женский), лето в Берлине, беременность, роды, одно автобусное окно, которому здорово не повезло, и многое-многое другое.

Объясню, как «поток» воздействовал на дружеские и любовные отношения, на мою среду, сознание, работу, способность шевелить собственным телом. Впервые в жизни я даю «поток» название и прохожу через него шаг за шагом.

* * *

В моем случае «годы паники» начались на домашней вечеринке в гостях у друзей в Ливерпуле. Я приехала туда в

серебряном платице и стояла в обветшалой кухне покойной владелицы дома, жилец которой убрал урну с ее прахом в угловой буфет и набросил коврики поверх сгнивших половиц. У меня была задержка длиной в месяц, и я просыпалась в половине пятого почти каждое утро с привкусом страха и дурноты во рту. Я оставила бойфренда, чтобы навестить друзей. Окидывая взглядом ту зеленую кухню, я боролась с мыслью, которая неделями тихонько лежала-полеживала под прочими мыслями и событиями: я могу быть беременна. Я не хотела этого. Не так, не сейчас. Я не хотела, чтобы меня загоняли в ловушку. Я поняла это с такой беспощадной ясностью, которая меня испугала. Тело говорило еще до того, как осознал разум: я несчастлива. Моя утроба подала сигнал пожарной тревоги, и вот теперь я смотрела, как она полыхает. Месяц спустя я осталась одна – не беременная (как выяснилось), сидящая в забегаловке в Уолтемстоу и отмечающая двадцать восьмой день рождения в одиночестве, если не считать общества чашки растворимого кофе.

Лишившись якоря в виде партнера, я очертя голову ринулась в мир работы, вечеринок, пота, дедлайнов, бега, путешествий и сигарет. Не имея противовеса любви, зато обладая взрывными амбициями молодой журналистки, я обнаружила способность говорить «да» чему угодно и всему на свете. Более того, чем больше соглашалась, тем меньше приходилось думать. В течение целого года единственным профессиональным правилом было говорить «да» в ответ на абсолют-

но любое задание, какое только давали. А еще я занималась кемпингом и сексом с мужчинами, которые не могли любить меня и которых не могла любить я, писала статьи в газеты, на названия которых едва ли не молилась всю жизнь, плавала на продуваемых ветрами побережьях, изливала в статьях всю душу, спрашивала себя, действительно ли хочу ребенка, днями напролет плакала перед месячными, шила одежду, выступала на радио, стригла волосы и слушала любимую музыку.

Однажды утром, в рябой серости не до конца пробудившегося сознания, я проснулась, ощущая на языке знакомый привкус – словно обрывки песни, которую пела когда-то в школе. В собственной спальне, под собственными фотографиями, на собственном постельном белье, пахнувшем собственным стиральным порошком, я наконец вспоминала, кто я есть.

Это, конечно же, прекрасно. Только мне было тридцать, и подруги, которые до тех пор ели тосты и пили чай вместе со мной, брэнча сердечными струнами и смеясь в лицо времени, внезапно похватали сумочки и были таковы: бойфренды, дома, кольца в честь помолвки, свадьбы, беременности, младенцы. Шла гонка – против времени, против наших тел, против полураспада сперматозоидов и, неизбежно, друг против друга. Я знала что у моей матери менопауза началась рано – в сорок лет – и поэтому, вероятно, я унаследовала меньше «плодотворного» времени, чем сверстницы. Дедлайн гро-

зил раньше. В результате «годы паники» были особенно напряженными, спринт к защищенности – более актуальным, потребность взять себя в руки – экстремально настоящей. И все же я каким-то образом прослушала объявление об отправке и даже не купила билет. Люди, которых я любила больше всего, ускользали от меня, в то время как я оставалась позади, глотая пыль.

Не прошло и двух лет, как я влюбилась. Этот мужчина, плечи которого были похожи на строительные леса, а подбородок – на лопату для угля, явился неожиданно. Вот так – раз – и я оказалась в поезде. Пункт назначения был мне неизвестен, но я знала, что куда-то еду. И все же представлявшееся мне разрешением тревог обернулось входной дверью к новым вопросам. Большим вопросам. У каждой женщины, вступающей в новые отношения в «годы паники», будущее испещрено экзистенциальными решениями, способными поставить ее на колени. Что это значит для работающей женщины в стране с непомерно высокой стоимостью жизни, стоящей на грани климатической катастрофы, – связать себя обязательствами с партнером, не говоря уже о будущем ребенке? Как реагировать, когда лучшая подруга объявляет о беременности? Иной ли у тебя путь? Что, если партнер не хочет детей? Или хочет, только не сейчас, не в данный момент, не вот так просто? Значит ли это, что настало время переехать в другую страну? Сменить профессию или купить безумно дорогую шубку? Послать все к черту и переспать с

чьим-то братом? Купить дом где-нибудь в городке подешевле и стать фрилансером? Завести собаку?

Ты осознаешь очередную утрату контроля: словно у тебя из десны выбили зуб, и холодный ветер проносится по каждому обнаженному нерву. Тело стоит на месте, подвешенное контрацепцией в состоянии ложного бесплодия, в то время как разум лихорадочно перебирает разные утрачиваемые будущие. Может, ты и вскочила в поезд, но как-то позабыла уточнить пункт назначения и теперь сидишь со сжатыми кулаками и жжением в глазах, а мир течет мимо жидким размытым пятном.

Любовь не может преградить путь потоку яйцеклеток, покидающих организм. Теплая постель не помогает решить, кем ты хочешь работать. Наличие партнера не прекращает гражданскую войну между мозгом и утробой. «Плюс один» не обязательно позволит чувствовать себя цельной. Через три года после ухода из предыдущих отношений я снова осознала болезненную истину: «годы паники» не заканчиваются сексом или общими полотенцами. Их нельзя успокоить просто тяжестью другого тела в твоей постели.

Кое-как, кривовато плывя по жизни, прекращая отношения, пытаясь заработать денег, деля съемную квартиру с любимыми подругами, ходя на терапию, укрепляя тело и занимаясь сексом со все более милыми людьми, я не видела ничего такого, что связывало бы данные решения вместе. Вступая в середину четвертого десятилетия и уходя от клубов

пыли и драмы, которые перекрывали дальний обзор, я вижу, что перспектива материнства все это время маячила передо мной. Она была двигателем, готовила меня к броску.

Как пишет Люк Тернер в своих прекрасных мемуарах «Из леса», «решение подорвать динамитом основы жизни всегда разбрасывает обломки куда попало»¹. Как бы мне ни претило признавать это и признаваться в этом перед людьми, которые имели для меня значение, я, вероятно, всегда хотела ребенка.

Разумеется, в «годы паники» тело и разум бессознательно ломали прежнюю жизнь, чтобы вымостить путь для новой, той, в которой я при желании могла бы решить попытаться родить ребенка.

Сейчас и здесь, сидя и набирая текст на ноутбуке, пристроенном на пеленальный столик моего малыша, я знаю: во многих отношениях я пишу эту книгу для 28-летней Нелл, которая стояла в той кухне в Ливерпуле в серебряном платье рядом с заключенным в урну прахом другой женщины и которую мутило от паники, вызванной возможным будущим. Но на самом деле я пишу ее для всех: для, кто только пускается в свой «поток», кто уже дезориентирован на всю катушку, кому материнство интересно вне зависимости от того, видят они себя в качестве матерей или нет, кто через все это прошел и жаждет признания. А также для мужчин и женщин, просто желающих знать, какие они, эти «годы паники». Я не притворяюсь упившейся джином любительни-

цей вечеринок, не пишу научный трактат, не использую экспериментальные литературные формы, чтобы доказать: матери тоже могут быть творческими людьми. Я просто показываю – настолько честно и осмысленно, насколько могу, – каким может быть это время, почему тридцатый день рождения может казаться свадьбой с самой собой. Каково это – быть на званом вечере единственной женщиной без спутника. Как справляться с отказом в сексе в очень маленькой палатке. Почему можно нечаянно разрыдаться, когда начальница спрашивает, как ты видишь себя через пять лет. Как себя ощущаешь, когда после мысли «а вдруг я все-таки беременна» приходят месячные. Какое лихорадочное возбуждение охватывает тебя, когда решаешь, что хочешь попробовать родить ребенка. Каково воображать, что швыряешь этого ребенка о стену.

Книга будет славить громоподобное либидо 30-летней женщины, которая тащится на богом забытую гору в компании поклонника теории заговора и его рдеющей шевелюры. Разгрести собственное двойственное отношение к тому, что может быть самым важным решением в жизни. Описывать кружевной ад беби-шауэров² в честь других женщин. Рассказывать, каково писать на картонную полосу в подтекающем общественном туалете и держать перед собой будущее на четырех сантиметрах пропитанной кислотой бумаги. Она будет влезать на плечи этих моментов, чтобы задать во-

---

² Вечеринка для будущей мамы.

просы: где мы и как сюда попали? Как освободиться от того, что внушало общество? Почему заканчиваются отношения, почему люди до сих пор женятся? В какой момент плод становится ребенком? Хорошая зарплата – это сколько? Что такое семья? Насколько важной вехой является 35-летие? Как распределять ответственность за контрацепцию? Когда вес всех этих – и не только – вопросов сокрушительно обрушивается на плечи женщин старше 20, 30 и 40, пора начинать искать ответы.

1. Внезапно одиночка

Я лежу на бабушкиной кровати, слушаю церковные колокола и Ноэля Эдмондса³.

Разумеется, на самом деле это не бабушкина кровать. Это не тот дом, где я заглядывала в рождественские утра в чулки, которые на самом деле были ее старыми компрессионными колготками оттенков «норка» или «бамбук».

Нет, это другая кровать – односпальная цвета искусственных конечностей, убранных с глаз долой в маленькую комнатку на чердаке дома престарелых, где она теперь живет. После десятков лет фермерских трудов, содержания домашнего скота, лабрадоров, яблонь и туалета на улице бабушка перебралась в одну-единственную комнатку с видом на черепичные крыши в окружении кирпичной кладки. Она проводит последние несколько лет жизни в городе, пусть и небольшом – чего прежде не делала ни разу за все 94 года своего существования. Для меня это к лучшему: я могу приехать поездом, пообедать в рыночном кафе и заглянуть в магазинчик секонд-хенда, чтобы купить ей новую упаковку талька от *Nivea*. Пусть даже сегодня я ничего этого не делаю.

Сегодня я лежу на ее кровати. Лежу, свернувшись калачиком, на боку, глядя на ее белый шкаф-гардероб, полный тви-

---

³ Британский телеведущий.

довых клетчатых юбок, кремовых шелковых блузок и изношенных пушистых шлепанцев. Маленький телевизор в углу гремит, как кипящий чайник: идет игровое шоу *Deal or No Deal*⁴. На подносе – полная миска японских мандаринов рядом со стопкой нечитанных выпусков «Шропшир Стар», суббота приложениями той же газеты и книгой о королевской семье. В комнате подо мной мужчина, тело которого давно приняло форму шезлонга, с присвистом дыша, тащится к двери, штаны его спортивного костюма сползают мешком с дряблых ягодиц, обнаруживая под собой невинные белые трусы. В кухне кухарка выкладывает картофельное пюре к яйцам и кресс-салату, слушая радиостанцию *Magic FM*. В гостиной две женщины в кардиганах и зауженных брюках подремывают перед телевизором, где тем временем кулинарное шоу волшебным образом превращается в старый черно-белый мюзикл. В саду одна из обитательниц помоложе курит сигарету длиной с коктейльную соломинку и наблюдает, как малиновка теребит шарик несоленого сала.

* * *

Я не плачу. Я вошла в то глухое состояние чистого бесчувствия, когда можно просто смотреть в ничто, как в зацветший пруд. Буду лежать здесь, думается мне, веки веч-

---

⁴ Телешоу, которое выходило во многих странах мира, в том числе в России под названием «Сделка?!».

ные. Мышцы атрофируются, отращу усы, кто-то будет время от времени наведываться и переодевать меня в чистую ночную рубашку, начну есть заварной крем и пить шерри. Я буду лежать в бабушкиной спальне, как слой талька и салфеток, выстилающий внутренности ее сумки. Останусь здесь, пока все не улучшится, пока все не кончится, пока все не останется позади.

Две недели назад я лежала в постели с бойфрендом с шестилетним стажем, а он мягко и старательно пробивался сквозь отрицание мною истинного состояния отношений, точно ломая прутики из пучка – один за другим.

– Если бы не бары и гости, – говорил он, – даже не знаю, сколько времени мы проводили бы вместе.

Хрусть.

– Ты вечно занята.

Хрусть.

– Мне не кажется, что ты хочешь быть со мной.

Хрусть.

Ночь затаила дыхание, а я лежала, чувствуя себя такой голой, словно с меня содрали кожу. Внезапно прикосновение этого мужчины, этого медведя в костюме человека, показалось незаконным, как насильственное вторжение, как чужая рука, сунутая в твой карман. Так что лежала неподвижно. Он заботился обо мне 6 лет – и вот, снова помогает. Только на сей раз помогает расстаться с ним. Он говорил – мол, не торопись, выжди пару дней, не волнуйся, все будет хоро-

шо, но подумай о том, не хочешь ли ты расстаться со мной. Поутру я цеплялась за него, как за спасательный плот, плачущая, перепуганная, клянущаяся, что не хочу ничего менять. И все это время тихий голосок внутри расходился, точно капля чернил в стакане воды, подсказывая: все уже изменилось. В следующие два дня мы были ближе, чем в последние месяцы: разговаривали, сидели вместе, ели одну и ту же еду, складывали выстиранную одежду друг друга. Я смотрела на его спину – размером с матрац, – пока он мыл посуду.

Я говорю, что люблю его, но без воодушевления. Наверное, хочу чего-то, только не знаю чего.

Он опускает взгляд.

– Конечно, я не предмет девичьих грез. Я – тот мужчина, с которым ты покупала стиральную машину. Такой парень никого не возбуждает.

Сердце рассыпается, как одуванчик под дождем. И так, мы расстаемся. Конечно же.

Я еще ни разу не слыхала о разговоре на тему «мы что, расстаемся?», который не завершился бы ответом «да».

Сама того не зная, я проваливалась сквозь прореху в ткани прежней жизни и со всего размаху влетала головой вперед в нечто новое – «поток». Как тысячи других взрослых детей, после расставания я отправилась пожить к матери, в то время как он собирал вещи. В моем случае это означало три остановки 48 автобуса на другую сторону реки Ли. По

пути на работу я проезжала мимо нашей квартиры и видела, что он снял со стен все картины и сложил их на полу. Квартира выглядела ободранной до нитки, безличной и нестерпимо печальной.

Если ты провела все «двадцатые» с другим человеком – вначале как с другом, потом как с возлюбленным, потом как с сожителем, – осознание, что ты совершенно не представляешь, кем являешься без него, несколько шокирует. Чем питаться, когда спать, с кем общаться, что тебе принадлежит, как ты разговариваешь, какие передачи смотришь, где живет пылесос, в какое время просыпаешься, что будешь делать в день рождения, что кажется смешным, нравятся ли столовые приборы, можешь ли починить велосипед, как делаешь работу, как одеваешься, кому веришь, что слушаешь, что помнишь, даже просто что любишь – ты больше ничего не знаешь. Не представляешь, кто ты есть, потому что большую часть взрослой жизни была с другим человеком. Его вкусы стали твоими. Я пробыла независимой работающей женщиной целых шесть месяцев, прежде чем сошлась с бойфрендом. Я была необожженной глиной. Так что, когда аккурат на мой 28-й день рождения мы расстались, у меня практически не было своего взрослого «я», чтобы к нему вернуться, на него опереться или им утешиться. Я отстала на годы, я была «не в контакте». Неудивительно, что чувствовала себя парализованной, ошеломленной и беспривязной: я потеряла себя.

Но потеряла не только себя. О нет! Я потеряла его семью – его престарелую тетушку с каминной полкой, полной фарфоровых птичек. И чудо-вязальщицу мать, обожавшую «мотаун»⁵ 60-х. Его друзей, его умения, помощь, инструменты, полотенца, массажеры для стоп. Я потеряла его версию меня и все те будущие, которые мы планировали вместе. Расставаясь с мужчиной, с которым предполагала создать семью, я потеряла и потенциальных детей. Когда ты – 28-летняя женщина, у чьей матери менопауза наступила в 40, ты знаешь лучше, знаешь телом и мозгом, что существует конечное временное окно, в пределах которого можно завести детей. Когда у тебя партнер, это еще ничего, поскольку, даже если он пока не вполне готов или ты не вполне уверена, по крайней мере можно сказать себе, что у тебя все подготовлено к моменту, когда настанет время решать. Ты можешь подождать. Немножко. Но если ты – 28-летняя женщина, протаскивающая себя сквозь раскаленное железо расставания на огромные пустынные равнины одинокой жизни, тогда на конечность этого времени внезапно начинаешь смотреть совершенно иначе. Она может начать пугать. Ее прикосновение может казаться мертвящим. И математические выкладки, перекрывающие горизонт, становятся невероятно важными.

Если бы у меня, как и у матери, менопауза наступила в

---

⁵ Музыкальный стиль, одна из разновидностей ритм-энд-блюза; назван в честь звукозаписывающей компании Motown.

сорок, моя фертильность могла начать заметно снижаться с любого момента после 35-летия. Это означало вот что: мне, вероятно, нужно начать пытаться родить ребенка – выяснить хотя бы, способна ли я вообще родить, – до того, как исполнится 35. В случае обнаружения проблем это дало бы еще пару лет, чтобы попытаться найти альтернативы. Но погодите! Если я хочу начать пытаться родить ребенка до этого возраста, значит, нужно встретить кого-то, и не кого угодно – а того, кто полюбит меня и захочет создать со мной семью. И сделать это надо к тому времени, как исполнится... сколько там, 32? Тогда в запасе пара лет, чтобы пожить вместе как супружеская пара, прежде чем начнем «того-этого» с конкретным намерением. Появились бы воспоминания, с которых можно снимать урожай позже, когда лишимся нормального сна, станем обессилены и наполнимся обидами. Стоп! Мне потребовалось 17 лет, чтобы найти первого бойфренда, и 3,5 года, чтобы встретить второго. Если это хоть что-то значит, то впереди как минимум 3 года одиночества. Это приводит меня к цифре... сколько там, 29?

Но! Почти у любой женщины есть по крайней мере пара лет свободной жизни, когда она спит с разными людьми, сосредоточивается на работе, прежде чем начать знакомиться «с целью». Математика подсказывает, что следовало расстаться с бойфрендом в 27. Я собираюсь оплакивать отношения, длившиеся 6 лет, в то время как опаздывала уже на год! Мне каким-то образом необходимо исхитриться пожить

своей жизнью, побыть независимой, позаниматься с кем-то сексом, не рыдая ему в губы, влюбиться и дожидаться, пока партнер будет готов попробовать завести ребенка. И сделать все это нужно прямо сейчас, иначе время кончится и выбора не останется: тело и его конечные яйцеклетки решат за меня раньше, чем представится шанс хотя бы попробовать.

После того уик-энда я твердо уверовала, что всем женщинам с разбитым сердцем вообще, но особенно тем, кто входит в «поток», полезно пожить с недельку в учреждении, где остальные просто слишком стары и изнурены, чтобы разговаривать о младенцах, любви или разбитом сердце. Следует немедленно заселиться в большое полугосударственное здание, где близость смерти превращает в насмешку сердечные страдания и нами может полностью властвовать мягкий ритм, состоящий из мыльных опер, памперсов, приемов пищи, дневной дремы и ночного сна. После расставания есть время анализировать и время «парализировать». Первые недели посвящены почти исключительно второму занятию. Ты не готова разбирать по косточкам, что именно пошло не так. Максимум, что ты на самом деле можешь сделать, – это не давать разойтись швам и прислушиваться к собственному пульсу. Переваривать, обсуждать и раскладывать по полочкам разрыв можно позже – с друзьями, родственниками, может, даже со слушателем-профессионалом. Ты не можешь проглотить пилюлю целиком, так почему бы сначала просто не зализать раны? Почему бы не сбежать на

некоторое время от реальной жизни? И есть ли лучшее место, чтобы заботиться о себе, чем дом, где заботятся о других?

* * *

Возможно, вам невдомек, почему я, новоиспеченная одиночка, жительница Лондона, черпала утешение в пастельных занавесочках, средстве для дезинфекции ванной, щипцах для завивки волос, местном радио, книжках в мягких обложках, плиссированных юбках, старинных часах-ходиках и хирургических чулках провинциального дома престарелых. Почему я готова подчиниться ровному, неторопливому распорядку приемов пищи, дневного сна, хоровых занятий и раздачи таблеток? Почему ощущала такой глубинный покой, падая на прокипяченное в отбеливателе постельное белье моей неутомимой бабули или глядя в окно на нехоженую лужайку? Ответ прост: для всех остальных в этом огромном краснокирпичном доме на холме устрашающий, неотвратимый пульс «возможности» и фертильности замолк. Их биологические часы остановились. У них не было вариантов. Их труды завершены. Их подруги уходили в небытие. Их «поток» давным-давно иссяк. Эти женщины либо родили детей, либо нет. Они любили, кровоточили, потели, протекали и теряли – и теперь вступили в последний возраст. Их тела иссыхали, бледнели, истончались до ничто. Их тонкая,

как крепдешин, кожа, белые волосы, утолщенные ногти на ногах и крошащиеся зубы были осязаемыми проявлениями времени, бесспорными и неудержимыми. Пусть я ощущала подступавшую к ребрам волну безнадежности, думая о будущем, семье и теоретически возможной жизни, которой только что лишилась, но в этом не было ничего такого, с чем эти женщины не сумели справиться. Моя сердечная травма не уникальна, не беспрецедентна, не переворачивала мир с ног на голову. Я просто шла по дорожке, проторенной столькими людьми до меня, пытаясь ступать от любви к любви и не слишком часто вляпываться в грязь.

Что совершенно не означает, будто в отношении этих женщин ко мне не было доброты или сочувствия. Некоторые были просто чудо. Пару месяцев спустя, когда я, приехав туда на выходные, шла через столовую в промежуток между аперитивом и обедом, 92-летняя латышка по имени Эльза внезапно приобняла меня за талию.

– Дорогуша моя! – воскликнула она, и темно-голубые глаза впились в меня, как булавки. – Вы напоминаете мне цыганок, которых я когда-то рисовала обнаженными в художественной школе!

Я была польщена. Эльза, как я впоследствии узнала, училась живописи в Париже 1920-х годов – в то время, когда для уважаемой женщины считалось неприличным позировать обнаженной. За свою долгую жизнь она успела поработать кулинарным критиком, выйти замуж, родить двоих

сыновей, шить платья, говорить на трех языках и устраивать великолепные званые ужины. Пусть теперь ее тело опало, как суфле, в этой женщине был абсолютный стержень из жизни, юмора и умения радоваться этому миру.

Глядеть в ее живое личико, похожее на булочку с корицей, и пытаться объяснять, что я опустошена утратой любви, защищенности и тем, что мне уже не двадцать, было все равно что жаловаться склону утеса на ветер.

В фильмах, поп-песнях или романах определенного рода – *I Will Survive*, «Свадьбы Мюриэл» – расставание с неподходящим партнером становится точкой, которой заканчивается повествование. Жизнь одиночки, свобода и независимость – счастливая концовка для всех, от 20-летних выпускниц до 68-летних разведенков. Мы стремимся к жизни, где нас ничто не связывает. Но для женщин в «потоке» разрыв часто становится лишь началом истории, а свобода – просто иносказанием для понятия «нечего терять»². Как моя подруга писательница Эми Липрот однажды писала в блестящем, изобиловавшем заглавными буквами сообщении: «Помню, когда я порвала с берлинским бойфрендом и одна подруга (моложе меня) пыталась утешить меня словами «тебя больше ничто не тяготит», я ей в ответ гаркнула: «Я ХОЧУ БЫТЬ ОТЯГОЩЕННОЙ! НЕСИТЕ МНЕ ТЯЖЕСТИ! Я ГОТОВА!»

Я точно знала, что Эми имела в виду. Соскальзывая к на-

чалу четвертого десятка, как глина с мастерка, я была одиночкой не потому, что не готова к обязательствам. Я покончила с несовершеннолетними отношениями именно из-за желания найти человека, который был бы готов дать обязательства мне и моим намерениям. Как бы глубоко я ни подавляла это желание ради самозащиты, я хотела быть отягощенной любовью, планами на будущее, общей собственностью и дисфункциональными родственничками другого человека. Я жаждала вместе выбирать диван, гулять по горам, класть паспорт в коробку для документов, купленную специально для этой цели. Я хотела взрослых отношений с человеком, чувствующим себя готовым быть взрослым. Разумеется, в то время мне казалось, что я хочу лишь познакомиться с человеком, который пьет чай, решает кроссворды, неутомим в постели и имеет работу с полной занятостью. В ретроспективе эти качества по-прежнему остаются очень хорошим карандашным наброском портрета моего идеального партнера по жизни и со-родителя моего ребенка. В то время как разум все еще отделял зерна от плевел любовного разочарования, одиночества и женской паники, тело и подсознание стряпали своего рода мастер-план.

* * *

– Помню, как думала: «Не хочу дожить до тридцати четырех и по-прежнему вляпываться в дисфункциональные отно-

шения», – говорила Долли Алдертон однажды теплым июльским утром, когда я сидела в ее идеальной квартире, словно перенесенной в реальность из какого-нибудь французского фильма «новой волны», и деликатно расспрашивала ее о том годе, когда она перестала заниматься сексом. Бестселлер Долли «Все, что я знаю о любви» (*Everything I Know About Love*) был честным, лиричным и полным юмора взглядом на жизнь, любовь, дружбу и период между 20 и 30 годами. Она остроумно и мудро писала, как в 29 лет приняла решение перестать встречаться, заниматься сексом, переписываться с мужчинами и даже – всегда, когда это возможно, – перестать мастурбировать. Кого, как не ее, было расспрашивать о сексе, любовных разочарованиях и начале «потока»?

– Пока я не изменила свой подход к сексу и мужчинам, я не могла прийти к той точке, на которой возможно полное любви, удачное партнерство и создание семьи, – говорила она, вгрызаясь в один из бейглов, которые я принесла с собой в качестве оливковой ветви и взятки одновременно. – Будто я все время находилась в помещении, где столько народу и так ярко горел свет, что просто необходимо запереть дверь, сунуть ключик в карман и сказать себе, что я могу вернуться сюда потом.

Когда ей исполнилось 28 (основополагающий год в «годах паники» многих женщин), Долли переживала недавний разрыв, ходила на психотерапию, перестала знакомиться с мужчинами, заниматься сексом, написала книгу, отказалась от

аренды квартиры на паях с соседями и начала жить в одиночку. И все это случилось за шесть месяцев.

– Я считала это аналитическим периодом, – засмеялась она. – Я много читала о сексуальной зависимости, мирилась с бывшими, проводила много времени с женщинами, которые были мне дороги, и заново строила отношения с семьей. На самом деле это мой способ восстановить свое «я», – объяснила она.

Интересно, задумалась я, насколько большая часть этой работы напрямую связана с желанием стать матерью?

– Я определенно думала о детях – в смысле, знала, что придется разобраться с этим вопросом до наступления следующей стадии жизни, – сказала она, пугающе точно выражая словами то чувство, которое я лишь недавно начала понимать. – Многие знакомые женщины, по сути, считали последние годы накануне тридцатилетия таким периодом выздоровления между своими «двадцатыми» и следующим этапом жизни.

Прекратить заниматься сексом потому, что хочешь детей, – это решение может казаться парадоксальным.

И все же, как утверждает Долли, для формирования того рода надежных отношений, которые необходимы для выживания в первые годы после рождения ребенка, возможно, действительно стоит перестать заниматься сексом – таким, как в те времена, когда... кхм... пускаешься во все тяжкие. А Долли когда-нибудь преследовали опасения, что ее время

попросту выйдет?

– Нет. Тогда – не преследовали, – ответила она, глядя мне прямо в глаза. – Но теперь беспокоят, и очень. Фертильность – это такая трудная феминистская проблема, ведь наша биология не в ладах с нашей политикой. Я бы рада сказать: «Мне не нужен мужчина, мне не нужны знакомства, я могу просто сосредоточиться на себе, щелкнуть пальцами, когда мне будет сорок, и тогда родить ребенка!» Но это так не работает.

Увы, действительно, не работает.

Разумеется, не каждый «поток» начинается с разрыва отношений. У многих он «стартует» прямо в процессе отношений или в период жизни в одиночку, спровоцированный каким-нибудь важным событием. Например, переездом в другую страну, сменой или потерей работы, повышением, которое досталось коллеге, помолвкой, внезапным диагнозом вроде эндометриоза, рождением ребенка у лучшей подруги или покупкой другой подругой дома. И это лишь самые масштабные из возможных вариантов. Конечно же, очень часто женщины действительно расстаются с давним партнером в конце третьего десятилетия жизни. Опрос, проведенный Британским строительным обществом (*Nationwide building society*) – кто бы мог подумать! – показал, что отношения в возрастном периоде от 20 до 30 лет длятся в среднем 4,2 года³. С этими данными я ознакомилась в 2017 году и с тех пор всегда ношу ту вырезку с собой в сумочке, как номер медицинской страховки и карту пациентки центра сексуального

здоровья.

В это кризисное время, когда тебе «под тридцать», когда «просто работа» превращается в карьеру, аренда жилья сменяется покупкой, любовники переходят в категорию партнеров, а друзья становятся родителями, в отношениях часто происходит мини-землетрясение с образованием разрыва: люди в последний раз бросают кости перед принятием большого решения. Мы можем тихонько отдаляться друг от друга, ссориться или изменять; впадать в отчаяние из-за чужого храпа, пьянства, носков в кухне, некупленной туалетной бумаги, унылого вида за ужином, составления планов, неумения составлять планы, ненависти к составлению планов. Но иногда просто стоим перед другим человеком, смотрим на него и осознаем с холодной, пустой и неизбежной печалью: мы ошиблись. Оба оплошали. В этих обстоятельствах прервать отношения – не просто здравый, своевременный и мужественный поступок. Это буквально может спасти жизнь. Но что дальше? Как склеить разбитое сердце? Сколько времени потребуется, чтобы встретить подходящего человека? Когда ты окончательно придешь в себя? Полюбишь ли еще когда-нибудь? Чего ты на самом деле хочешь от жизни? За ответами на эти вопросы «священник с доктором в одеждах долгополых бегут через поля»⁶.

---

⁶ Цитата из стихотворения *Филиппа Ларкина* «Дни» в пер. А. А. Андреева.

2. Под открытым небом

Вот уж о чем я никогда не мечтала – это чтобы меня бросили прямо на вокзале.

Иногда период ухаживания подобен сырому полону: чадит, дымит и плюется искрами, но так и не занимается огнем по-настоящему. Когда он заканчивается, ты страдаешь не столько по конкретному человеку, сколько по тому, чего никогда по-настоящему не было: по вырванной возможности, по трюку надежды, которым ты обманула сама себя. И вот я в свои 28 лет стою на четвертой платформе железнодорожного вокзала Крю в кафе «Пампкин», пытаюсь сделать выбор между тарелкой вчерашних, холодных как лед бирхер-мюсли за 2,99 фунта и пакетом криспов с солью и уксусом за 1,29. Пока объявления о задержке поездов и заменах платформ прибытия рокотали над головой, как янтарный ливень, я держала в ладонях ведерко вымоченных в йогурте овсяных хлопьев с крышечкой из фольги и чувствовала, как рассыпается крошкой моя решимость.

Всего сорок минут назад мужчина, с которым я ходила в поход, сказал, что отцом быть хочет, а вот иметь постоянную девушку – нет. Мы сидели в поезде компании «Верджин», въезжавшем в Стаффорд, возвращаясь после уик-энда в горах, и он, по всей видимости, решил, что сейчас самое время сообщить «благую весть». Поцеловал меня в губы, под-

хватил сумку и сошел с поезда. У окна задержался, подмигнул, улыбнулся и стал смотреть, как удаляется мой вагон. От Стаффорда до Крю я не отводила взгляда от грязного двухпенсовика солнца, медленно катившегося к земле. Сердце упрямо пробивало путь к глотке, как ручная шлифмашина, и я силилась не заплакать. Он меня поцеловал. Он подмигнул. Я ему не нужна. Я смотрела на попутчиков и сторала со стыда: они все это видели. Они видели, как меня, словно пакет с мокрым мусором, вежливо, но твердо выставили на обочину. Я была взлохмачена, в легинсах, водрузила ноги на рюкзак, весивший столько, сколько свеженький труп, и была дурой. Конченной дурой.

Хотя знакомство с этим мужчиной длилось почти два года, это был практически первый случай, когда мы по-настоящему проводили время наедине. Я знаю, что вы хотите сказать. Эй, правда, знаю!

Пытаться превратить простое знакомство в полную деревенскую любовь на сеновале (ну, не совсем на сеновале) – поступок странный, но для меня это практически коронный прием. Видите ли, я никогда не находила прелести в необременительных связях, сколько бы ни старалась.

Я никогда не загружала приложения сайтов знакомств и редко приглашала кого-нибудь выпить или поужинать. Вместо этого я в лоб спрашивала мужчину, которого едва знала, не желает ли он поехать со мной в дикую глушь и провести там выходные, потея под двумя растянутыми полотнищами

из полиэстера. Вы бы несказанно удивились, узнав, насколько часто мне говорили «да».

В общем, поскольку этого мужчину я едва знала, по-настоящему заговаривать с ним о будущем не могла – просто не смела. Свадьба не была пунктиком, я не нервничала в предвкушении «того самого вопроса», боясь, что его так и не зададут, но все еще любила воображать, как просыпаюсь в постели рядом с мужчиной и вижу волосы в его подмышечной впадине, подсвеченные утренним солнцем.

Я надеялась на липкие поцелуи, эсэмэски и шутки, понятные только двоим. Я осмеливалась представлять себе, как пеку ему хлеб, ставлю банку, полную сигаретных окурков, на подоконник, как у нас появляется общий книжный шкаф и – поскольку своего будущего никогда без этого не мыслила – общий ребенок. Пусть это прозвучит абсурдно, как кульминация самых страшных страхов психиатрического пациента с фобией на обязательства, но после всего двух ночей в двухместной палатке посреди дикой глуши я уже сочиняла сценарий жизни – с полной взаимозависимостью и детьми – с мужчиной, которого едва знала. Но все не так просто.

Для меня, как и для многих других женщин в период «потока», попытки вообразить, как это может быть – носить ребенка другого человека, доверить ему свою утробу, неразделимо переплести жизни – способ проверить, какие чувства я к нему испытываю на самом деле.

Это словно смотреть, как мужчина танцует, и представлять, смогла бы ты заняться с ним сексом. Это как вообразить себя за столом в другом офисе, чтобы понять, лежит ли у тебя душа к этой работе. Как заглядывать в окна квартиры на первом этаже и прикидывать, смогла бы ты жить с этими обоями на стенах. Я представляла, как рожаю детей от других людей, и это было способом проверить себя, свой уровень влечения, привязанности и намерения.

Если мысль заставляла меня отпрянуть в ужасе, я понимала: пустая затея. Если мне сразу хотелось защитить вообразяемого ребенка от вспыльчивости, гадких привычек, злоупотребления наркотиками, работы или родственников другого человека, это явный знак, что следует держаться от него подальше (делала я это или нет – вопрос другой, но передо мной, по крайней мере, были красные флажки, которые я вольна игнорировать). Если могла млеть от радости, представляя, как он носит на руках новорожденного малыша, распевая песенки Стиви Уандера, тогда, по крайней мере, на каком-то уровне мне становилось понятно, что совместное будущее не вызывает внутреннего отторжения. А если ты снова ищешь партнера после распада долгих или значимых для тебя отношений, если ищешь его в «годы паники», в то время, когда подруги и знакомые начинают заводить семьи, будущее становится весьма реальным и, более того, очень близким. Форма грядущих событий отливается прямо в тот момент, когда ты о них говоришь. Поэтому ре-

бенок – не просто то, что может случиться когда-нибудь; это то, что может случиться довольно скоро. Представить отцом мужчину, с которым я только что переспала, – мой способ и связаться со своим внутренним, похожим на ребенка эмоциональным «я» и в то же время сделать мысленный набросок потенциального будущего.

Так что, когда этими несколькими словами он показал готовность стать отцом для ребенка, но не партнером для женщины, он не просто пристыдил мою надежду и смутил нежные чувства, но и отсек еще непржитую жизнь. Он стер потенциальную версию другой Нелл, равно как и детей, которых она могла бы родить. Даже не обязательно отдавая себе в этом отчет, оттянул десну моего напускного безразличия, обнажив больной нерв моей жажды. Но вместо того чтобы порадоваться этой жажде и дорожить ею, он, подмигнув, ушел прочь.

Поскольку я не только профан в технологии, но и скряга, на мой смартфон загружено около семи песен. Так что, пока я в громе и грохоте неслась через весь Чешир с ноющим сердцем, у меня был невеликий выбор: слушать либо кавер-версию *It's All Over Now, Baby Blue* («Теперь все кончено, детка») группы *Them*, либо семнадцатиминутную версию *Love To Love You Baby* («Люблю любить тебя, детка») Донны Саммер. Я выбрала первую. Жаль, что не вторую. Сидя в наушниках, уткнувшись лицом в стекло, я не чувствовала ничего. Я была мячиком для пинг-понга, раздавленным и

лопнувшим, лежавшим в пыли на полу амбара. Меня снесло каменной стеной; я была похожа на старый, дурно пахнущий из-за преклонного возраста ланчбокс. Я плакала, как огонь на солнце⁴.

Разумеется, для расставаний хороших мест не бывает. Они убили слишком много прогулок по набережным, любимых кафе, безмятежных лесов и дымных пабов. Кстати, идея: государству следовало бы обеспечить людей специально отведенными под расставания зонами. Это своего рода близнец моего проекта с домами престарелых для разбитых сердец. Хорошо бы обустроить финансируемые правительством муниципальные площадки, куда, наревевшиеся всласть, утратившие любовное томление парочки смогут приходиться, чтобы разрубить узел. Вместо того чтобы поганить ресторан, ближайший парк или, того хуже, собственный дом разговорами, из которых узнаешь, что тебя больше не хочет партнер, насколько лучше получить в свой ящик в *Outlook* безликое, автоматическое, не требующее ответа электронное письмо, приглашающее тебя в какой-нибудь офисный центр у шоссе М6. Явиться в совершенно нейтральное, ужасающе невыразительное помещение над залом ожидания вокзала, где партнер сядет напротив тебя на штампованный пластиковый стул, опершись локтями на ламинированную столешницу, всю в пятнах от слез других людей, и примется методично крушить твое сердце. Войти, чувствуя, как душа уходит в пятки, в конференц-комнату в индустри-

альном здании рядом с гравийным карьером, увидеть, как бойфренд стоит на ковровой плитке под голой флуоресцентной лампой, и гарантированно понять: он тебя сейчас бросит. Больше не придется возвращаться в то место, ничто не напомнит о нем за обедом в пабе или во время долгой прогулки.

Воспоминания не застигнут врасплох три месяца спустя, когда ты поведешь кухню пить чай в любимый ресторан. То место навсегда останется далеким бюрократическим кошмарным сном, который однажды пришлось перетерпеть, зато потом можно игнорировать. Вот как должны происходить расставания.

Пожалуй, в тот момент я была ближе всего к этой идиллической мечте. Я стояла на вокзале Крю. От заляпанных дермом железнодорожных путей дул ледяной сибирский ветер, пока я пыталась купить что-нибудь, стоившее меньше 5 фунтов и при этом способное положить конец ощущению, будто что-то или кто-то гложет внутренности. Затем – неторопливый обратный поезд до Лондона. Рюкзак отягощал плечи, как чувство вины, и ледяные огни витринной стойки кафе ослепительно сияли на седых волосках, прокрававшихся в мою гриву. До сих пор гадаю, действительно ли я это заслужила. До сих пор жалею, что он не сделал это как-то покрасивее.

В тот момент мне, наверное, следовало завязать с походами. Следовало вспомнить собственные советы и понять: совместное поедание лапши из пакетиков прямо в куртках-вет-

ровках вряд ли приведет к любви на всю жизнь. Стоило сообразить, что на шансы добиться преданности от мужчины отрицательно влияют необходимость мучиться, натягивая на себя трусы и сгибаясь для этого пополам, как креветка; попытки заниматься сексом под пологом отдающей плесенью парусины или последующий сон в двух парах мужских носков.

Но нет, я лишь стала ходить в походы еще усерднее. О, друзья мои, я ходила как одержимая! За следующие два года я исчеркала маршрутами всю карту страны; я стала профессионалом обвалки мяса в полевых условиях. Я наконец наскребла достаточно уверенности в себе, чтобы понять, что для меня важно, – а это были ландшафт, общение с природой, люди, которые говорят «да», секс и приключения. Мне нужен был мужчина, пахнувший древесным дымом, обладатель качественного джемпера, способный загодя забронировать билеты на поезд. Я еще не доросла до того, чтобы признаться самой себе: помимо романтики и приключений хочу – и заслуживаю – теплых чувств и обязательств. Тем не менее я хотя бы вволю дышала свежим воздухом и была качественно выгуляна. Ну, вы понимаете, как собачка.

Есть один миф, который старательно пролезает во все поры нашей культуры, и мне потребовались годы для осознания, что он не всегда верен.

Этот миф состоит в том, что все мужчины – сексуальные хищники, всю жизнь живущие в состоянии

возбужденной похоти, и окружающим остается либо проклинать ее, либо соглашаться.

Рада вам сообщить: это чушь собачья. У некоторых мужчин высокое либидо. Как и у некоторых женщин. У большинства высокое либидо бывает в определенные периоды жизни и в конкретных обстоятельствах. Как и у большинства женщин. У некоторых мужчин либидо низкое. Как и у некоторых женщин. В своей книге «Чего хотят женщины?» (*What Do Women Want*) писатель Дэниел Бергнер утверждает, что любые различия между полами не столько обусловлены биологией, сколько созданы психологической обработкой: хотя женская сексуальность – такая же неистовая и животная, как и мужская, женщинам внушают, будто выражение животного желания почему-то непристойно или неженственно⁵

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.